

ХРОНИКА

На семинаре "Религия и культура"

23 ноября состоялось заседание религиозно-философского семинара. Был заслушан доклад С. Стратановского: "Гностицизм II-го века". Доклад имел познавательную цель: познакомить слушателей с малоизвестным духовным течением древности, явившимся во II-ом веке активным противником христианства. Докладчик остановился на основных чертах, присущих всем гностическим учениям, подробно осветил космогонические системы огитов, кайнитов, а также выдающиеся гностические учения Василиса и Валентина. В конце доклада была охарактеризована фигура Маркиона, которого, правда, лишь с известной натяжкой можно назвать гностиком, т.к. его основной темой было взаимоотношение между христианством и ветхозаветным иудаизмом.

Доклад вызвал большой интерес слушателей.

Наблюдатель.

Б. Иванов

Экспериментальная поэма Льва Рубинштейна

В ноябре московский поэт Лев Рубинштейн выступил в Ленинграде со чтением "Программы работ" – произведения, которое невозможно назвать ни поэмой, ни собранием афоризмов, ни вариантом ритмической прозы, – это именно "программа", система последовательных высказываний, подразумевающей свои собственные определения и нарушающей их по правилам, являющимися не менее важными, чем каждое утверждение в отдельности.

Тот, кто присутствовал на чтениях Рубинштейна чувствовал "себя –уловленным" текстом, зафиксированным в некоей своей интеллектуальной или психологической точке, при этом непроизвольное и произвольное смещение внимания слушателя-читателя также подразумевалось в новом наборе "Программы".

Листаем страницы "Программы", всего их – 300, на каждой странице только ограниченнное число высказываний. Например:

Стр. 19 "– Новый Антракт."

" – Настоящий текст, предназначенный для размышлений о себе самом. – "

Стр. 20 "– Настоящий текст, склонный ко внедрению в любые области и на любом уровне." –"

Стр. 21 "– Настоящий текст, направленный на преодоление инерционных сомнений в ценности некоторых сообщений." –"

Переворачивание страниц входит в смысловой контекст поэмы. Чтение становится действием, действие входит в текст: "Переверните страницу". ... "Переверните страницу".

В первой "императивной" части отношение между автором и читателем устанавливается, как между учителем /или медиатором/- и учеником. Суждения автора формулируются, как задания, как авторитетное разъяснение, как руководство, в каждый момент исчерпывающее "поле внимания". Эта модель отношений "Учитель-Ученый", - "Программиста-Программируемого", которая прерывается интермедиумами:

"Номер двадцать седьмой, где автор отвечает молчанием на вполне возможные обвинения в неопределенности авторской позиции, а также на различные упреки, как профессионального, так и личного характера.- Причем остается неясным, принимает он их или нет;

Номер двадцать восьмой, где автор в чем-то признается, а в чем-то нет;

Номер двадцать девятый, где Автор впервые сетует на нехватку физического времени, на неудовлетворенность своего самочувствия и периодические упадки духовной энергии;

Номер тридцатый, где Автор сразу же дает понять, что все, относящееся к номеру двадцать девятому, следует воспринимать лишь в качестве композиционного приема;"

Композиция "Программы" имеет игровой характер, предусматривающей психологию читателя и слушателя и при всей интеллектуальности своего лексического ряда достигает музыкального эффекта, извлечение корня переживаний широкого спектра: иронии, озадаченности, скептицизма и т.д. Игра- в принципе - не предусматривает какие-либо границы, и- с интеллектуальной стороны- утверждает негативную диалектику, как основу творческой свободы. Но творческая /интеллектуальная/ свобода- это понятие еще романтики- не может отвязаться от иронии, ибо она обнаруживает свою

кажимость перед лицом молчаливого детерминизма вещей.
/Кстати в "Программе" названо только одно имя- и это Новалис/. После блестящего перебора возможностей в "Каталоге комедийных новшеств" - /примерно 130 вариантов/ следует каденция "ЭТО ВСЕ", как намеренно абсурдистская попытка отрефлектировать комедию творческих возможностей, объяснение необъяснимого, напоминающая парадокс Гуссерля, мы не можем мыслить то, что мыслит. И "беспредметный человек" оказывается подлинным героем этой поэмы-программы.

Ниже приводится отрывок из "Каталога комедийных новшеств":

Можно чем-нибудь заняться;

Можно заняться установлением понятийного единства и потратить на это почти все время;

Можно заняться установлением причинно-следственных связей и забыть обо всем остальном;

Можно заняться посредничеством между ведущим и ведомым и не знать, какой результат считать положительным;

Можно заняться классификацией возможностей с точки зрения степени их комедийности;

Можно заняться классификацией страстей с точки зрения размеров их последствий;

Можно заняться классификацией высказываний с точки зрения степени их контекстуальной значимости;

Можно заняться классификацией поступков с точки зрения их контекстуальной мотивированности;

Можно заняться классификацией состояний с точки зрения степени их неопределенности;

Можно заняться классификацией событий с точки зрения степени их предрешенности;

Можно заняться классификацией положений с точки зрения степени их безвыходности;

Можно заняться классификацией сомнений с точки зрения степени их неразрешимости;

Можно устранить любые сомнения, найдя лишь мощный ритмообразующий фактор существования— но в этом-то и вся трудность;

Можно всю сумму сомнений, событий, состояний, поступков, высказываний, страстей и возможностей свести к взаимодействию различных эффектов;

Можно заняться регистрацией различных эффектов и упомянуть о таких из них, как например:

Эффект "степени приближений";
Эффект "мер и весов";
Эффект "пристального внимания";
Эффект "открытого текста";
Эффект "нынешнего дня";
Эффект "альтернативного переосознания";
Эффект "самофиксирующейся чувствительности";
Эффект "постепенного узнавания";
Эффект "предварительных обозначений";
Эффект "оговоренных условий";
Эффект "понятийной гигиены";
Эффект "событийной индифферентности";
Эффект "молчаливого согласия";
Эффект "безмолвного торжества";
Эффект "смены объекта";
Эффект "перемены мест";
Эффект "присутствия духа";
Эффект "череды сомнений";
Эффект "универсального приятия";
Эффект "универсального отрицания"; и др.

Можно заняться и каким-либо иным делом, не слишком вдаваясь в его подробности;

Можно начать с чего угодно, будучи уверенным в том, что любое начало в данном случае будет многообещающим;

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Для тех, кто вновь и вновь обсуждал идею ежегодной премии за лучшие поэтические, прозаические и критические произведения- этот акт представлялся все более необходимым и более серьезным. Еще недавно казалось, что нет никакой надежды на то, что неофициальная гуманитария может стать чем-то больше, чем приватной деятельностью,- теперь несомненно, что так называемая "вторая культура"- это просто культура. Еще недавно думалось, что сопоставление того, что создано сегодня с тем, что было создано нашими предшественниками, недопустимо из-за нескромности,- теперь риск сопоставления кажется оправданным. Еще недавно культурное движение открывало лишь то, что было, и казалось, что в настоящем нет ничего, кроме повторения прошлого. Теперь мы лучше знаем, что есть и будущее уже не кажется фатально навязанным.

Для каждого, кто принимал участие в работе жюри,- это была возможность выразить свою личную признательность авторам, произведения которых стали для них событием, "вехой",- ощущаемой победой слова над молчанием, мысли над предметом, личности над хаосом. Некоторое время жюри колебалось: премии должны были получить имя деятеля культуры, который был бы свободен от ангажированности, олицетворял новаторство. В конце концов, было решено, что имя Андрея Белого- поэта, прозаика, эссеиста, исследователя, пионера знаменитой "формальной школы"- наиболее адекватно может обозначить смысл этого символического награждения.

Хотя литературная премия Андрея Белого должна была вручаться от журнала "Часы", члены жюри решили, что ее лауреатом не обязательно должны быть те авторы, произведения которых были опубликованы на страницах сего издания. Культурное достижение- это достижение личности, и жюри

прежде всего, должно оценивать тот личный конкретный вклад, который поэт, прозаик, критик внес в культурное движение — все другие соображения должны быть отброшены. Была предусмотрена система голосования, которая могла бы учесть разницу мнений и способ их согласования, но при определении кандидатов разногласий не возникло. Это, на мой взгляд, объясняется тем, что решение как бы само собой напрашивалось, так как, если, например, говорить о премии поэту, то стихи Виктора Кривулина — безусловно являются наиболее признанными, наиболее классическим развитием петербургско-ленинградской поэтической традиции. Среди прозаических произведений роман Аркадия Драгомощенко "Расположение в домах и деревьях" при всей его очевидной связи с русскими и западными влияниями, был читателями отмечен, как крупный шаг в становлении языка русской современной прозы. Что касается литературной критики, то статьи Бориса Гойса о московских живописцах, о концептуальном искусстве выдвинули его в число наиболее глубоких и проницательных исследований современного отечественного авангарда.

13 декабря премии: диплом и символический рубль /премия Гонкуров — франк/ были вручены. Аплодисменты друзей — и награжденные усаживаются за отдельным столом. Это было предусмотрено ритуалом вручения премий, как и ответные речи лауреатов.

Аркадий Драгомощенко:

— Выступая здесь, я вынужден довольствоваться импровизированной речью, прибегая к спасительным, но необязательным отступлениям. Прежде чем говорить собственно о прозе, я задался вопросом: с какой точки зрения, в каком ракурсе понимать и рассматривать возникновение независи-

мой литературной премии. Что это— одно из проявлений искусства авангарда, задача которого— совмещение воедино профанической действительности и высокой реальности искусства, и тем самым организующего исторический процесс фиксаций отстранения, либо небольшой домашний спектакль, не подразумевающий зрителя, а лишь его участников? Наряду с этим, я думал, что принимая ту или иную точку зрения, мы выносим за скобки сам предмет, ради которого мы—собрались здесь. Я имею в виду собственно литературные произведения, которые явились причиной этого нашего вечера.

Произведения, являясь примерами частной практики, путем этой оценки, независимо от того, насколько она объективна, вступают в иной и косвенный процесс, предполагающий прошлое, настоящее и, по-видимому, будущее. Возможно то, что происходит, бессмысленно, возможно, что никому нет дела ни до литературы, ни до имени, которым названа эта премия, ни, наконец, до произведений, отмеченных премией. Но бессмысленность эта, мне кажется, отзыв эха того высокого порядка, который носит название Абсурда, порядка, исходя из которого Сократ не был отправлен, а поэты никогда не изгонялись из государства. Сохраняя и развивая язык, мы сохраняем настоящее и оберегаем перспективы нашего будущего. В языке мы ищем много языков, необходимых нам. В языке мы находим язык свободы.

Борис Гройс:

— Все мои последние статьи были посвящены художникам и поэтам Москвы и Ленинграда, вообще,— современному искусству. Но я хочу сказать о вещах, о которых вряд ли буду когда-либо писать.

До знакомства с неофициальным искусством я был воспитан на образцах европейской культуры. Жить в европейской

культуре- это значит разделять ее общий контекст и быть свободным в жизненных проявлениях. Это значит- жить в пространстве, большая часть которого освоена. Неофициальная культура развивается не так- здесь связи между людьми на высших уровнях смысла отсутствуют, но люди сохраняют общее в своих личных проявлениях. Когда читаешь старую русскую литературу, возникает впечатление целого, но которое не связано общим человеческим диалогом. У Достоевского человек скорее даст себя убить, чем переубедить. И начиная с "Мертвых душ" Гоголя, романа - космоса, мы знакомимся с людьми, которые не знают о существовании друг друга: Собакевич ничего не знает о Коробочке, Коробочка- о Ноздреве. Всех персонажей связывает ...автор.

Когда я впервые осознал это, я понял, что живу в другом, неевропейском мире,- и был удручен. И хотя общение было и оно продолжается, я знаю, что разрыв неустраним. Вместе с тем, я понял, что дорогой для меня мир европейской культуры, утратил свой общий контекст, что, повидимому, заставляло Ницше говорить о воле к власти. Европа утратила свою общую обоснованность, а кто об этой обоснованности знает,- не властвует. И у меня сложилось представление о России, как полигоне разобщения, на котором люди соединяются лишь в политическом и бытовом существовании, но не имеют общего языка.

Сегодняшний мир представляет тягостную картину,- не Россия в разобщении живет сотни лет. Мы живем без неожиданностей: есть скука, раздражение, но мы являемся прекрасным подобием современного мира. И мне кажется, этим надо воспользоваться и подумать о том, как существуют другие. Наш опыт достаточно поучителен, и наш вечер- такая ситуация, которая повторяет модель современного мира. Это звучит претенциозно,- но это так. И то, что мы не понимая друг друга, умеем существовать,- это урок, который следует понять и передать его другим.

Виктор Кривулин:

- Мы собрались на вручение премии ~~имени~~ Андрея Белого, которое пародирует другие "большие действия" — и в этом пародировании есть красивый и важный момент. Нет двух культур, культуры одна, и наш вечер, возможно, ближе к ее сущности, чем широко обставленные действия. В этом будущее наших собраний.

Каждая "отмеченность" абсурдна. Но выбирая между закрытостью и отмеченностью, мы выбираем второе. Очевидно, это игра: несерьезность как жизненность. Здесь нереальность в каком-то смысле более реальна. Это и есть подлинное культурное бытие, то, что находится между законченной артикуляцией и аморфным существованием вещей...

В кратких речах лауреатов премии имени Андрея Белого не трудно заметить — содержалась попытка осмыслить сегодняшнюю ситуацию, с точки зрения культурных целей, ее эзистенциальной значимости, и дать искренний и прямой ответ. Это было оценено присутствующими и каждая речь была выслушана с большим вниманием.

ЧЛЕН ЖЮРИ

ВЫСТАВКИ

Начиная с октября, каждое воскресенье, открыта выставка четырех ленинградских художников Натальи Балашовой, Сергея Ковальского, Александра Лоцмана и Бориса Митавского.

Впервые работы этих художников появились на квартирных выставках в 1973 году. Вместе выставляются с 1975 года. Выставка этого года - третья совместная экспозиция художников. На ней более 120 работ - живопись, графика, скульптура мелких форм.

Балашова представлена работами 1975-78 гг. Для ее живописи и графики характерна эмоциональность, напряженность линии.

Ковальский показывает работы маслом 1975-78 гг. Они отличаются конструктивностью, графичностью формы.

Лоцман представил живопись и графику 1970-78 гг. Здесь и традиционные пейзажи и, написанные в последнее время, метафизические композиции.

На выставке более 20 холстов Митавского 1975-78 гг. Среди них несколько абстрактных картин, а также - графика и скульптура. В большей части работ - тяготение к сюрреализму. Художник представил цикл работ, тема которых - Петербург прошлого века.

В одном из ближайших номеров журнала предполагается поместить статью об этих четырех художниках.

х х х

В октябре, в течении нескольких недель была открыта выставка трех молодых художников из недавно возникшего Товарищества Кирилла и Мефодия. На ней было около 20 работ.

В осенние месяцы прошло еще несколько выставок. На них свои работы представили Кубасов, Лильбок, Лев Сергеев и другие художники.